

ВАДЖРА
ЧАНДРАСЕКЕРА

तुव्यान्तु
ярких
дверей

FAN|ZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(548.7)
ББК 84(5Шри)-44
Ч-18

Vajra Chandrasekera
THE SAINT OF BRIGHT DOORS

Copyright © 2023 by Vajra Chandrasekera

Публикуется с разрешения автора
и его литературных агентов,
Donald Maass Literary Agency (USA) (США)
при участии Игоря Корженевского
и Агентства Александра Корженевского

Школа перевода
В. Баканова

Author photo by Sanjeeva Weerasinghe

Перевод *Екатерины Пономаренко*
Дизайн *Елены Куликовой*

Чандрасекера, Ваджра.

Ч-18 Святой ярких дверей / Ваджра Чандрасекера ; [перевод с английского Е. Пономаренко]. — Москва : Эксмо, 2026. — 432 с.

ISBN 978-5-04-215080-7

Феттера воспитывали как оружие. С самого детства его готовили к тому, чтобы однажды он убил собственного отца — святого мессию, вокруг которого возникла новая религия.

Пережив кровавое детство, Феттер сбегает в Луриат — огромный город, полный чудес и опасностей. Здесь повсюду стоят загадочные яркие двери, которые никто не может открыть. Здесь революционеры скрываются под видом психотерапевтических групп, а боги и антибоги незримо влияют на судьбы людей.

В Луриате ничто не является тем, чем кажется. И чем глубже Феттер погружается в тайны города и собственного прошлого, тем яснее становится: его судьба связана с будущим всего мира.

УДК 821.111-312.9(548.7)
ББК 84(5Шри)-44

ISBN 978-5-04-215080-7

© Е. Пономаренко, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПОСВЯЩАЕТСЯ

РУЧИРЕ

1

Едва он рождается, Достославная Мать большим медным гвоздем прищипливает к земле его тень и отрывает от Феттера. Первое воспоминание, обернувшееся многими часами терапии. Идет дождь. Тень падает на красноватую почву, жирную и глинистую; она липнет к Феттеру, пока он ворочается, не в силах поднять головку. В грязи младенец не тонет только благодаря удачному приземлению. Дальнейшее он видит в рамке согнутой в колене материнской ноги. Его тень медленно корчится на гвозде. Достославная Мать опускает руки в грязь, чтобы поднять извилистую тень пуповины, затем проворно накидывает на шею оторванной тени и затягивает петлю. Тень умирает молча — а если и кричит (умеют ли тени кричать?), то звук поглощается шумом дождя.

Следующие часы и годы Феттер не помнит. Даже тот эпизод скрыт в глубинах его памяти, пока на пороге десятилетия, охотясь за тайнами в лабиринте дома, он не натывается на лакированную шкатулку. Там Достославная Мать хранит младенческий локон и гвоздь, которым сорвала его тень. С гвоздем в руках Феттер снова видит сцену удушения

в обрамлении материнской ноги: тень истаивает в красной грязи, по которой бегут кровавые ручейки.

Теперь Феттер смотрит под ноги более осмысленно. Он выходит на яркое солнце, однако тень под ним не появляется. Он поднимает то одну ногу, то другую, но свет будто проходит насквозь. Словно Феттера вовсе нет. Оторвав обе ноги от земли, он висит в воздухе, а потом медленно, чуть ли не целую минуту, спускается обратно, смещаясь в сторону под дуновением легкого ветерка, пока босые ступни не оставляют борозду в мягкой грязи. Это тоже необычно. Достославная Мать твердо стоит на земле, да и остальные тоже. Впервые ему приходит мысль, что легкость его ног не вполне нормальна и может быть как-то связана с отсутствием тени.

Целую неделю Феттер не заговаривает с Достославной Матерью о гвозде. Его терпение на пределе, но он держится как ни в чем не бывало. Все так же пропускает мимо ушей слова наставников, как всегда азартно играет с другими детьми, сбегает из дома не чаще, и углубляется в город не дальше обычного, и не слишком задерживается, исследуя высохшее русло реки под старым мостом. Он даже не решается экспериментировать с невесомостью. «Это подождет», — убеждает он себя, когда грудь по утрам наполняется легкостью и кажется, что стоит выдохнуть — как он уплывет в безбрежную синеву неба. Феттер думает, что умело скрывает смятение разума за идеальным фасадом повседневной жизни.

Ему девять лет, он маленький, худой и смуглый. Мать стрижет его чересчур коротко, не давая волосам виться. Кожа да череп — вот и все, чем можно защитить свои мысли от Достославной Матери.

Феттер хочет заговорить о гвозде как-нибудь невзначай, чтобы мать впечатлилась не только сделанным открытием, но и его самообладанием и искусством шпионажа.

Однако Достославная Мать делает первый ход. В конце недели она находит его после уроков и жестом велит выйти во двор, где вершит суд и дает собственные уроки. Рядовые наставники остались бы с Феттером под крышей, или укрылись в тени деревьев, или призвали бы его в свои кирпичные дома в городе. Но Достославная Мать учит под палящим солнцем, как будто хочет убедиться, что светило тоже усваивает урок.

— Так, значит, ты нашел гвоздь, — говорит она, усаживаясь на пень. Голос строгий, поэтому Феттер остается стоять прямо перед ней. Это не игра и не семейные посиделки: это учеба.

Пару секунд он лихорадочно прикидывает, не стоит ли все отрицать, но приходит к выводу, что будет только хуже.

— Как ты догадалась? Я ведь так старался себя не выдать!

— И довольно успешно, — отмечает Достославная Мать. Для Феттера это почти похвала. Мать очень серьезно относится к своему делу. — Но ты не заметил тайный волосок: он порвался, когда ты открыл шкатулку. А я каждый день его проверяла. Ну и какой вывод нужно из этого сделать?

— Всегда искать тайный волосок, — бурчит Феттер, пряча досаду. Достославная Мать не одобряет заносчивости, особенно в свой адрес, зато иногда ценит юмор. Она улыбается, но жестом велит ему продолжать. — Планировать лучше? — гадает Феттер.

— Не отвечай вопросом на вопрос, — хмурится мать. — А усвоить надо было вот что: враг бывает умнее тебя, поэтому надо продумать ответные меры, прежде чем начать действовать.

— Хорошо, мама, — покорно кивает Феттер. Похоже, она не в настроении отвечать на расспросы, так что лучше и не начинать. Какое-то время оба молчат.

— Об отсутствии тени не беспокойся, — наконец произносит Достославная Мать. Она вроде бы хотела что-то добавить, но передумала. — Вряд ли это помешает твоей секретной миссии. Таких вещей никто не замечает. А вот твердо стоять на земле тебе придется научиться.

Других инструкций он от нее не дождался. И в последующие годы Феттер сам учится справляться с невесомостью.

Есть и другие странности, о которых он не рассказывает матери. Он не вполне уверен, действительно с ним что-то не так или же это игра воображения и восприятия. Ему кажется, что он взрослеет слишком медленно. В десять лет он меньше своих ровесников, в двенадцать выглядит ребенком, хотя некоторые его одноклассники почти сравнялись по росту со взрослыми. Но не все, так что это может быть просто особенностью развития.

Однажды выясняется, что огонь не причиняет ему вреда. Случайно задев рукой пламя спички, Феттер чувствует лишь прохладу, как от крошечного водоворота. Он пробует несколько спичек, но, возможно, их пламя просто слишком слабое и эфемерное. А большое могло бы его обжечь. Но он не знает, как проверить это без риска пораниться всерьез, так что оставляет эту затею.

Еще он видит и слышит то, что другим недоступно. Поначалу это не пугает. Иногда он наблюдает за обычными обитателями живой природы: белками, снующими меж смоляными колючками; зимородками на плачущих над рекой деревьях; оленями, резвящимися в высокой густой траве. Но есть иные существа: с пузатыми, как луковицы, животами; они липнут к стенам домов и передвигаются, словно втягивая воздух или всасывая нечто нематериальное, как бы питаясь тем, чего Феттеру не разглядеть. Другие подобны морским гадам: многоногие, с колышущимися щупальцами, они скользят по улицам, будто по дну. У некоторых вполне человеческие очертания, вроде как люди, а вроде и нет: смутные вытянутые силуэты, перемещающиеся с чужеродной грацией, либо зловещие обладатели множества зубов и длинных языков. Иногда они что-то говорят хриплыми и жалостливыми голосами, а он притворяется глухим. Оказывается, для большинства людей эти существа и явления невидимы, а их шепот в густых сумерках неразличим. Когда он начинает задавать вопросы, то реакция окружающих пробуждает в нем страх. Акусдаб — маленький город, и люди чувствуют себя в меньшинстве по отношению к невидимым законам и силам, которые, как они знают, окружают их со всех сторон. Это твари того порядка, что живут за гранью человеческого бытия, так ему говорят: антибоги и демоны. Он начинает вздрагивать, а его кожа покрывается мурашками, когда такое существо движется на периферии его зрения, даже когда он отводит глаза, пытаясь не выдать свою способность его видеть.

Но главное открытие Феттера состоит в том, как на него действует гравитация: из-за нее можно посколь-

знуться, как на натертом маслом полу. Он может запросто упасть вверх, на ровном месте. Всего-то надо полностью выдохнуть и расслабить какую-то мышцу внизу живота, этот вечно напряженный комок. Томление по открытому небу, позыв падать вверх и вверх, бесконечно долго, вызывает в нем ужас. Когда он поднимает голову, ему кажется, что он стоит на краю бездны, и искушение рухнуть туда становится непомерным. В небо он старается не смотреть.

Он приучается делать каждый шаг сознательно, чтобы волевое усилие могло сойти за непринужденное движение. Поднять ногу, перенести, снова прижать к земле. Он упражняется до тех пор, пока не вырабатывает привычку проверять опору: слегка пошевелить лодыжкой и убедиться, что пятка прочно прижата к земле, чтобы те, кто с весом, ничего не заметили.

Именно так он стал думать о других: те, кто с весом. Те, кто с тенью.

Пока Феттер осваивает эти навыки, Достославная Мать берет его дальнейшее образование под свой контроль. Наставники исчезают один за другим. Мать преподает ему основные классические дисциплины: чернокнижье, диалектику, возмездие, подкарауливание врага и убийство. Помимо теории есть еще и практическая отработка: то, что она называет упражнениями.

Феттер изучает магию призыва и порабощения. Достославная Мать рассказывает о невидимых законах и силах, которые раньше приходили на зов, чтобы овладеть человеческим телом и вещать человеческим голосом, а затем пророчествовать и учить, — и уходили, когда их изгоняли. Теперь все иначе, говорит она, но не объясняет

почему. Он изо всех сил скрывает, что видит их постоянно, даже когда мать не пытается их призвать. Ему нелегко прятать испуг: белки его широко распахнутых глаз светятся, как сигнальные огни. Он привыкает держать глаза полуприкрытыми и неподвижными, словно от постоянной боли или усталости, лишь бы не выдать ужаса перед столкновением с невидимым миром. В висках постоянно вихрится боль.

В Акусдабе невидимые законы и силы (кое-кто зовет их демонами, неодобрительно фыркает мать, хотя и за ней такое водится) — это великая мистерия. Даже для матери их явление — апогей редких и трудных обрядов, а не вечная жуть, размытые силуэты, которые он улавливает краем глаза, пока мочится и чистит зубы: паразиты, липнувшие к стенам домов; бегуны, опасно кружащие под ногами у матери или в стороне от ее докторов-демологов, печально известных и грозных заклинателей Акусдаба.

Демоны шарахаются от Достославной Матери гораздо сильнее, чем от ее учеников. Они подчиняются призыву и порабощению докторов, Феттер не раз видел это в городе, а вот мать зовет их снова и снова — но без толку. По ее словам, она лично обучила демологов их мастерству, но Феттер замечает, как демоны кривляются и воют, глумясь над ней самой. Она их не слышит, а Феттер притворяется, что не видит ничего, кроме неудавшегося ритуала, и сожалеет, что нельзя закрыть глаза и уши.

На его призыв демоны откликаются, но действует он неуклюже, избегая встречаться с ними взглядом, когда у них есть глаза. Мать считает, что доктор из него вышел

бы посредственный, хотя и этого довольно. Не такую миссию она ему уготовала.

Убийства даются ему еще сложнее. В самый первый раз Достославная Мать разве что не держит его руку. Хочет решить сразу две задачи, совместив обучение сына с кровавым завершением старинной семейной вражды. Дело давнее, говорит она. Цель — его двоюродный дед, старший брат отца Достославной Матери.

Эта поездка мало чем отличается от любых других: мать всю дорогу его поучает, а Феттер болтает свешенной из окна рукой, ловя ветер, и слушает вполуха. Они долго едут на другой конец города, словно двоюродный дед специально поселился как можно дальше от Достославной Матери.

Кроме ворчания по поводу его неуверенного обращения с потайным ножом и напоминаний о заостряющей песне, которую нужно бормотать себе под нос, чтобы возбудить молекулы на конце лезвия, Достославная Мать не упускает случая повторить учение о пяти непростительных деяниях. В ее доктрине это — кульминация обучения Феттера, самое сердце ее педагогики: красное, живое и пульсирующее. И единственный контекст, в котором она упоминает его отца, Безупречного и Благостного, так что Феттер выпрямляется на сиденье. Редкая возможность услышать эхо ответов на его вечные вопросы об отце — столь явная манипуляция со стороны матери, что даже не считается, но Феттера это все равно возмущает.

— Пять непростительных деяний — главные преступления по определению идеологического аппарата твоего отца, — начинает Достославная Мать. Феттер слышал

это определение так часто, что знает наизусть, чего она и добивалась. — Они объявлены вне юрисдикции любого режима восстановительного или воздаятельного правосудия. В порядке возрастания тяжести пять непростибельных деяний — это матереубийство; ересь, ведущая к расколу; убийство священнослужителя, достигшего четвертого уровня пробуждения; отцеубийство и убийство Безупречного и Благостного. Эти преступления по определению не могут быть прощены и искуплены. То есть если ты совершишь любое из них, культ будет охотиться за тобой до конца твоих дней, а твое имя будет проклято в поколениях.

Твоя миссия заключается в том, чтобы совершить их все. Твой отец нас бросил. Мы оказались неизбранными, изгнанными из его эсхатологии. Мы разрушим культ твоего отца и засеем солью¹ ту землю, где он падет. А теперь повтори.

Феттер послушно повторяет катехизис. Эти слова он мог бы процитировать даже во сне.

Они на месте. Достославная Мать паркуется в тихом уголке, и они пробираются на территорию через дыру в заборе — где упал столб опоры, а колючая проволока сползла вниз. Потом Феттер поймет, что мать сама устроила этот лаз — возможно, один из докторов-демонологов прошлой ночью разрушил целостность

¹ Засолка земли (или посев солью) — ритуал посыпания солью мест, разрушенных завоевателями городов. Он возник как проклятие повторного заселения на древнем Ближнем Востоке и стал устойчивым фольклорным мотивом в Средние века. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

укрепления, которое могло защитить границы владения. Но пока это выглядит простой удачей.

Умение обращаться с ножом и заостряющая песнь так и негодились. Он бросается на двоюродного деда, который копошится в садике за домом. Безлюдный закуток с чахлыми грядками просто идеален для первого убийства. Хотя юность, напор и внезапность на стороне Феттера, закрепить успех он не успевает. Дед ловким движением перехватывает его запястье и выкручивает из руки нож. Феттер в панике забывает и то, чему его учили, и то, что нужно оставаться на земле. Он взмывает в небо, сучит ногами и вращается вокруг вцепившегося в него старика, повисает вверх тормашками. Изумленно вскрикнув, дед разжимает пальцы, а Феттер инстинктивно затыкает ему рот и вцепляется в горло.

Убийство превращается в повешение. Феттер болтается вниз головой, как живая петля. Дед отрывается от земли, отчаянно скребя по ней носками башмаков и оставляя в пыли борозды.

Даже если тебя растили для свершения непростибельных деяний, не так-то просто переступить через внутренний запрет на насилие, хотя рано или поздно придется. Достославная Мать не раз предупреждала об этом Феттера, но ему все равно тяжело. В груди скапливается ядовитая горечь, которая теперь останется там навеки.

Дед нащупывает ногой опору и вновь пробует вырваться, так что Феттер принимается молотить его одной рукой. Ломает нос, выбивает глаз, в кровь раздирает лицо и шею. Уже полдень, и, опустив взгляд, прямо под собой он видит солнце. Он попирает ногами солнце. Феттер изо

всех сил сжимает шею деда и опять вспоминает первые минуты жизни. Он сам теперь удавка. Дед хрипит, будто пытаясь что-то сказать, но Феттер устремляется выше, и старик повисает, как туша на крюке.

Груз тянет Феттера к земле. Тело безвольно оседает. Феттер стервятником приземляется деду на грудь. Ножа нигде не видно, но Достославная Мать требует доводить начатое до конца, так что он продолжает крушить и царапать, и вот его руки уже по локоть в крови, а лицо старика превратилось в месиво, от вида которого начинает подташнивать. Сердце колотится у Феттера в висках. Тело стынет, становится таким легким и прозрачным, что его понемногу уносит легким ветерком. Достославная Мать на лету ловит сына за ногу и утаскивает обратно.

Феттер вжимает ноги в поверхность, чтобы снова твердо стать на землю. Не оборачиваясь, краем глаза он видит, что грядка, которую мать считает пустой, кишит невидимыми силами. На него таращится множество странных и жутких силуэтов. А он смотрит на свои окровавленные руки.

— Это задание было самым простым, — замечает Достославная Мать по пути домой. Феттер молча свернулся клубочком на пассажирском сиденье. У него болит голова, а еще горло, будто он истошно вопил без передышки. Он не помнит, чтобы издал хоть звук. Он вымылся, но руки все равно липнут. В дороге Феттер внимательно изучает ногти, смотрит на синяки и порезы, не понимая, откуда они взялись, разглядывает глубокие бороздки на пальцах, выискивая остатки бурых хлопьев. Чувствуется шероховатость, когда потираешь палец о палец. — В следующий раз, — продолжает мать, — тебе